

Никколо Макиавелли
1469—1527

Никколо
МАКИАВЕЛЛИ

ГОСУДАРЬ
◆
ИСКУССТВО
ВОЙНЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 1
ББК 87.3(о)я48
М 15

Перевод *Г. Муравьевой* («Государь»)
Разработка серии — *И. Осипов*
Оформление обложки — *А. Воробьев*

Макиавелли, Никколо

М 15 Государь. Искусство войны / Никколо Макиавелли. —
Москва : Издательство АСТ, 2017. — 448 с.: ил. — (Вся
мудрость мира).

ISBN 978-5-17-102252-5

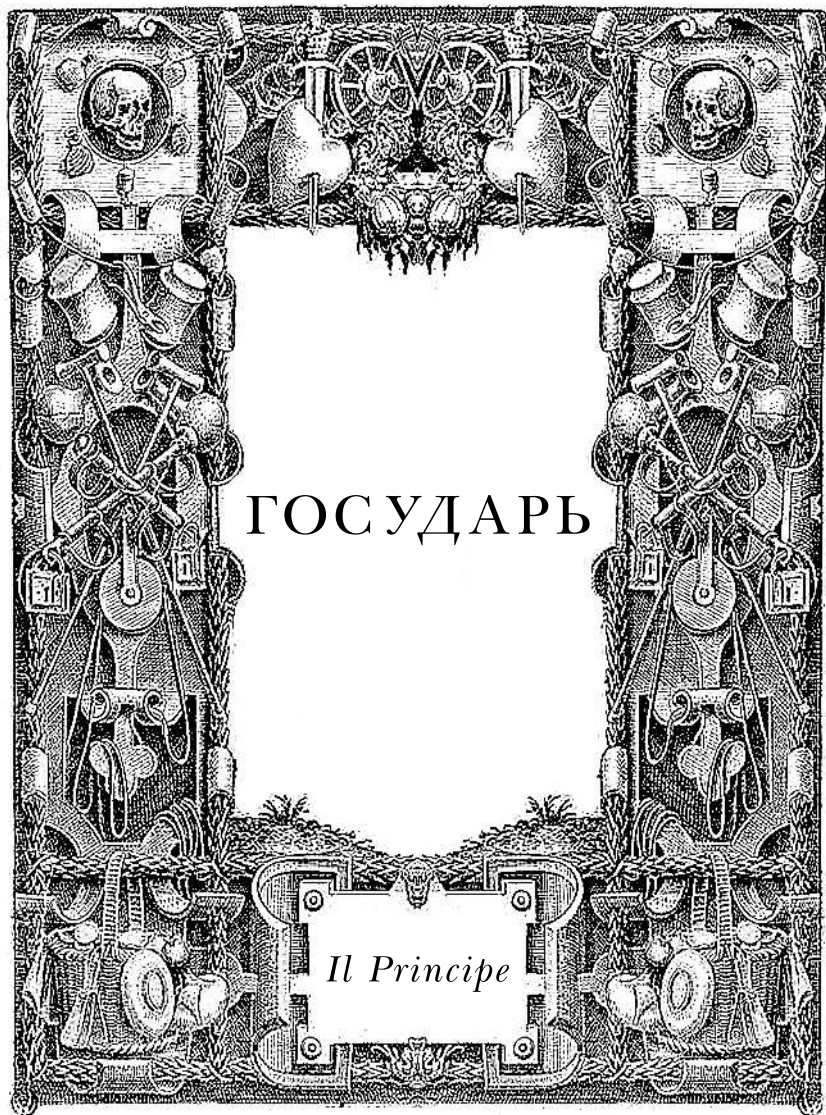
В обессмертившем имя писателя трактате «Государь» итальянский дипломат Никколо Макиавелли (1469-1527) подробно описывает свойства характера, умения и методы правления, необходимые идеальному правителю. Макиавелли считает политику искусством, которое не зависит от морали и религии, когда речь идет о средствах, а не о целях. И это дало основание его читателям называть действия правителя, основанные на культе грубой силы и пренебрежении нормами морали, «макиавеллизмом». И хотя сам писатель, говорят, был способен к глубокому чувству и преданности, исключительно честен и трудолюбив, а его сочинения, считается, обнаруживают любовь к радостям жизни и живое чувство юмора, едва ли не половина лучших сочинений Макиавелли разошлась на броские цитаты не слишком щепетильных политиков.

В настоящее издание вошли известнейшие произведения Никколо Макиавелли «Государь» и «Искусство войны».

УДК 1
ББК 87.3(о)я48

ISBN 978-5-17-102252-5

© Издательство «ДИЛ», 2010
© ООО «Издательство АСТ»

ГОСУДАРЬ

Il Principe

*Никколо Макиавелли —
его светлости Лоренцо деи Медичи*

быкновенно, желая снис-
кать милость правителя,
люди посылают ему в дар
то, что имеют самого до-
рогого или чем надеются
доставить ему наибольшее удовольствие,
а именно: коней, оружие, парчу, драго-
ценные камни и прочие украшения, до-
стойные величия государей. Я же, возна-
мерившись засвидетельствовать мою
преданность Вашей светлости, не нашел
среди того, чем владею, ничего более до-
рогого и более ценного, нежели познания
мои в том, что касается деяний великих
людей, приобретенные мною многолет-
ним опытом в делах настоящих и непре-
станным изучением дел минувших. По-
ложив много времени и усердия на обду-

мывание того, что я успел узнать, я заключил свои размышления в небольшом труде, который посылаю в дар Вашей светлости. И хотя я полагаю, что сочинение это недостойно предстать перед вами, однако же верю, что по своей снисходительности вы удостоите принять его, зная, что не в моих силах преподнести вам дар больший, нежели средство в кратчайшее время постигнуть то, что сам я узнавал ценой многих опасностей и тревог. Я не заботился здесь ни о красоте слога, ни о пышности и звучности слов, ни о каких внешних украшениях и затеях, которыми многие любят расцвечивать и уснащать свои сочинения, ибо желал, чтобы мой труд либо остался в неизвестности, либо получил признание единственно за необычность и важность предмета. Я желал бы также, чтобы не сочли дерзостью то, что человек низкого и ничтожного звания берется обсуждать и направлять действия государей. Как художнику, когда он рисует пейзаж, надо спуститься в долину, чтобы охватить взглядом холмы и горы, и подняться на гору, чтобы охватить взглядом долину, так и здесь: чтобы постигнуть сущность народа, надо быть государем, а чтобы постигнуть природу государей, надо принадлежать к народу.

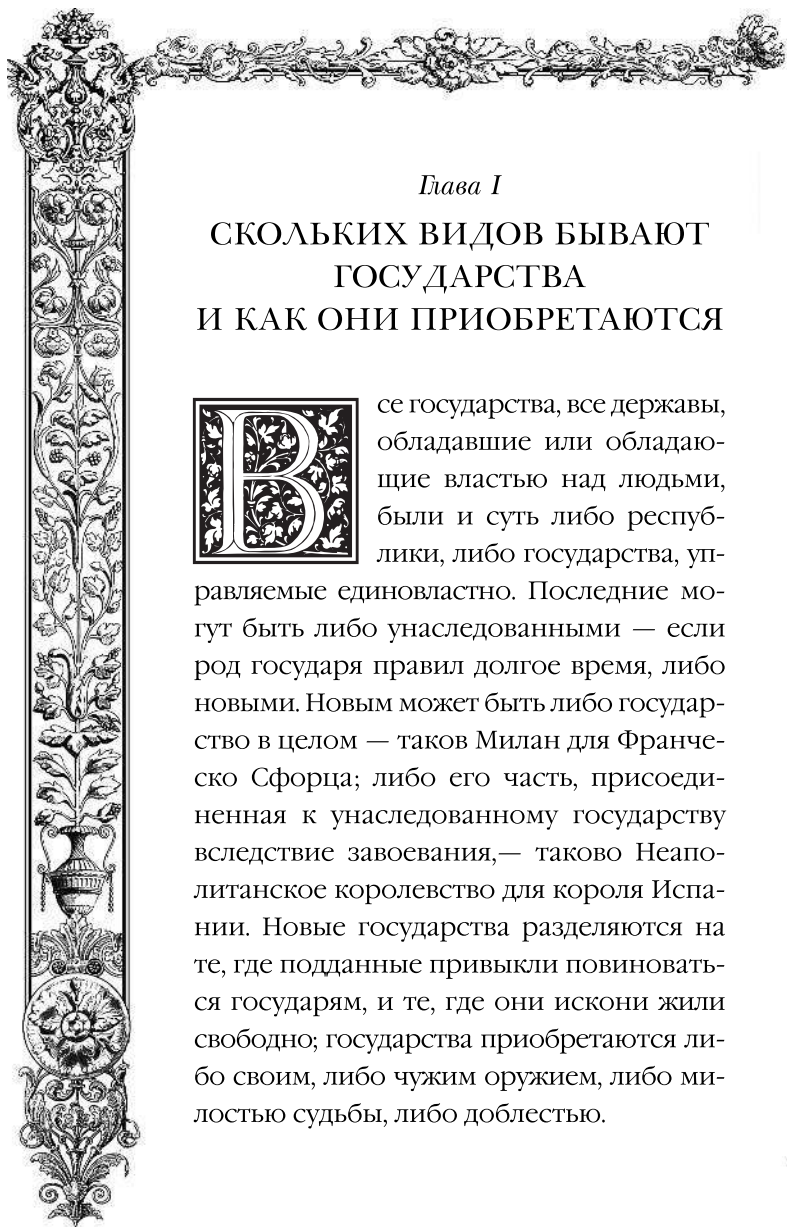
Пусть же Ваша светлость примет сей скромный дар с тем чувством, какое движет мною; если вы со-

ГОСУДАРЬ

изволите внимательно прочесть и обдумать мой труд, вы ощутите, сколь безгранично я желаю Вашей светлости достичь того величия, которое сулят вам судьба и ваши достоинства. И если с той вершины, куда вознесена Ваша светлость, взор ваш когда-либо обратится на ту низменность, где я обретаюсь, вы увидите, сколь незаслуженно терплю я великие и постоянные удары судьбы.

Глава I

СКОЛЬКИХ ВИДОВ БЫВАЮТ
ГОСУДАРСТВА
И КАК ОНИ ПРИОБРЕТАЮТСЯ

се государства, все державы, обладавшие или обладающие властью над людьми, были и суть либо республики, либо государства, управляемые единовластно. Последние могут быть либо унаследованными — если род государя правил долгое время, либо новыми. Новым может быть либо государство в целом — таков Милан для Франческо Сфорца; либо его часть, присоединенная к унаследованному государству вследствие завоевания, — таково Неаполитанское королевство для короля Испании. Новые государства разделяются на те, где подданные привыкли повиноваться государям, и те, где они искони жили свободно; государства приобретаются либо своим, либо чужим оружием, либо милостью судьбы, либо доблестью.

Глава II

О НАСЛЕДСТВЕННОМ
ЕДИНОВЛАСТИИ

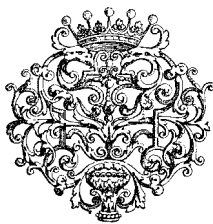
не стану касаться республик, ибо подробно говорю о них в другом месте. Здесь я перейду прямо к единовластному правлению и, держась намеченного выше порядка, разберу, какими способами государи могут управлять государствами и удерживать над ними власть.

Начну с того, что наследному государю, чьи подданные успели сжиться с правящим домом, гораздо легче удержать власть, нежели новому, ибо для этого ему достаточно не преступать обычая предков и впоследствии без поспешности применяться к новым обстоятельствам. При таком образе действий даже посредственный правитель не утратит власти, если только не будет свергнут особо могущественной и грозной силой, но и в этом случае он отвоеует власть при первой же неудаче завоевателя.

У нас в Италии примером тому может служить герцог Феррарский, который удержался у власти после поражения, нанесенного ему венецианцами в 1484 году и Папой Юлием в 1510-м, только потому, что род его исстари правил в Ферраре. Ибо у государя, унаследовавшего власть, меньше причин и меньше необходимости притеснять подданных, почему они и платят ему большей любовью, и если он не обнаруживает чрезмерных пороков, вызывающих ненависть, то закономерно пользуется благорасположением граждан. Давнее и преемственное правление заставляет забыть о бывших некогда переворотах и вызвавших их причинах, тогда как всякая перемена прокладывает путь другим переменам.

Глава III

О СМЕШАННЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Трудно удержать власть новому государю. И даже наследному государю, присоединившему новое владение — так что государство становится как бы смешанным, — трудно удержать над ним власть прежде всего вследствие той же естественной причины, которая вызывает перевороты во всех новых государствах. А именно: люди, веря, что новый правитель окажется лучше, охотно восстают против старого, но вскоре они на опыте убеждаются, что обманулись, ибо новый правитель всегда оказывается хуже старого. Что опять-таки естественно и закономерно, так как завоеватель притесняет новых подданных, налагает на них разного рода повинности и обременяет их постоями войска, как это неизбежно бывает при завоевании. И таким образом наживает врагов в тех, кого при-

теснил, и теряет дружбу тех, кто способствовал завоеванию, ибо не может вознаградить их в той степени, в какой они ожидали, но не может и применить к ним крутые меры, будучи им обязан,— ведь без их помощи он не мог бы войти в страну, как бы ни было сильно его войско. Именно по этим причинам Людовик XII, король Франции, быстро занял Милан и так же быстро его лишился. И герцогу Лодовико потому же удалось в тот раз отбить Милан собственными силами. Ибо народ, который сам растворил перед королем ворота, скоро понял, что обманулся в своих упованиях и расчетах, и отказался терпеть гнет нового государя.

Правда, если мятежная страна завоевана повторно, то государю легче утвердить в ней свою власть, так как мятеж дает ему повод с меньшей оглядкой карать виновных, уличать подозреваемых, принимать защитные меры в наиболее уязвимых местах. Так в первый раз Франция сдала Милан, едва герцог Лодовико пошумел на его границах, но во второй раз Франция удерживала Милан до тех пор, пока на нее не ополчились все итальянские государства и не рассеяли и не изгнали ее войска из пределов Италии, что произошло по причинам, названным выше. Тем не менее Франция оба раза потеряла Милан. Причину первой неудачи короля, общую для всех подобных случаев, я назвал; остается выяснить

причину второй и разобраться в том, какие средства были у Людовика — и у всякого на его месте,— чтобы упрочить завоевание верней, чем то сделала Франция.

Начну с того, что завоеванное и унаследованное владения могут принадлежать либо к одной стране и иметь один язык, либо к разным странам и иметь разные языки. В первом случае удержать завоеванное нетрудно, в особенности если новые подданные и раньше не знали свободы. Чтобы упрочить над ними власть, достаточно искоренить род прежнего государя, ибо при общности обычаев и сохранении старых порядков ни от чего другого не может произойти беспокойства. Так, мы знаем, обстояло дело в Бретани, Бургундии, Нормандии и Гаскони, которые давно вошли в состав Франции; правда, языки их несколько различаются, но благодаря сходству обычаев они мирно уживаются друг с другом. В подобных случаях завоевателю следует принять лишь две меры предосторожности: во-первых, проследить за тем, чтобы род прежнего государя был искоренен, во-вторых, сохранить прежние законы и подати — тогда завоеванные земли в кратчайшее время сольются в одно целое с исконным государством завоевателя.

Но если завоеванная страна отличается от унаследованной по языку, обычаям и порядкам, то тут удер-